

А
АЛЬФА-ТРИЛЛЕР

Служение другим — плата за проживание на земле.

Мухаммед Али

Если ищешь мести, рой две могилы — одну для себя.

Дуглас Хортон

Пролог

— Где вы? — негромко сказала я в трубку спокойным, размеренным тоном.

— Мое такси только что остановилось на парковке, и я пытаюсь избавиться от наличной мелочи.

— Зачем? — спросила я.

— Затем, что мне она не нужна.

— Понятно. — Я возвела глаза к потолку. Это казалось напрасной тратой времени, и меня тревожило то, что все может обернуться тактикой проволочек. Но давить на него нельзя. — Делайте то, что считаете нужным, и помните: я с вами на протяжении всего пути.

Я услышала, как он что-то пробубнил водителю, потом вылез и захлопнул за собой дверь. Предположила, что на улице идет легкий дождь, потому что, до того как такси отъехало прочь, каждые несколько секунд слышала скрип «дворников», стирающих воду с лобового стекла.

— Как у нас дела? — спросила я, намеренно используя оборот «у нас», а не «у вас», дабы подчеркнуть, что мы участвуем вместе — если не в материальном смысле, то хотя бы в духовном. Место выбирала не я, потому гадала, не передумает ли он, увидев, какая там высота. В таких случаях мне приходилось смиряться с решением клиента. Требовалось время, чтобы добиться нужного настроения, но теперь, когда удалось, я хотела, чтобы он сохранял на-

строй до конца. И я изо всех сил старалась напомнить ему, почему он там и как далеко мы зашли.

Он словно прочитал мои мысли.

— Не волнуйтесь, я не склонен менять решения.

Я с облегчением вздохнула.

— Это правда, — продолжил он. — Я в нужном месте и готов. Теперь, когда я здесь и вижу, *что* передо мной, на сто десять процентов уверен, что собираюсь поступить правильно.

Я верила ему. Не думала, будто он когда-либо лгал мне, потому что у него никогда не было на то причин. Он много раз говорил, что был со мной более честен, чем с кем-либо еще из тех, кого знал, — и я с гордостью выслушивала это.

— Уже видите ее? — спросила я. — Она за рулем красного «Воксхолла Астра», регистрационный номер видевять-восемь-семь...

— ...Ти-эйч-джи. Да, она только что помигала мне фарами. Такое ощущение, будто мы в фильме про шпионов и вы дали мне задание передать ей секретные документы. — Он нервно засмеялся, и я притворилась, будто тоже смеюсь.

— Хорошо, давайте я позвоню ей. Пока что оставайтесь на месте. Мы не хотим пугать ее.

Первый звонок встал на удержание, когда я набрала номер. Она ответила после семи гудков — слишком большой промежуток, как мне показалось.

— Здравствуйте, — негромко начала я. — Как у нас дела?

— Не знаю, — ответила она. В ее голосе совершенно не было уверенности. Я сопровождала достаточно людей в подобной ситуации, чтобы различить в словах высокие нотки тревоги. Нужно продвигаться осторожно.

— Рада слышать вас, — успокаивающим тоном произнесла я. — Хорошо ли прошла поездка? Нравится это место?

— Приехала сюда час назад и выпила чашку чая в кафе чуть дальше по дороге. — Еще один красный флажок. У нее было свободное время на раздумья.

— Хотите поговорить еще о чем-нибудь, прежде чем мы приступим? — спросила я.

Она поколебалась.

— Мне очень жаль, но теперь, когда я здесь, начинаю думать, что, возможно, поступаю неправильно, — ответила она.

Я скрипнула зубами. Нельзя допустить, чтобы все закончилось вот так. Нужно подкрепить ее мотивацию.

— Это из-за ребенка, верно? — мягко спросила я.

— Да.

— Вы беспокоитесь о том, что принимаете эгоистичное решение?

— Да, — повторила она, на этот раз едва слышно.

Я откинулась на спинку кресла.

— Это совершенно понятно, но вам нужно осознать: так говорите не вы, а ваши гормоны. Они дают ложное ощущение, что у вас есть некие возможности, заставляют думать, будто в конце концов все может быть хорошо, если вы просто выждете какое-то время. Но послушайте человека, у которого есть опыт. Когда ребенок родится, для вас все станет только хуже — намного хуже. Вас станут лечить еще интенсивнее, из-за чего жизнь делается еще более мутной, чем сейчас. Вы не сможете быть хорошей матерью, а препараты, которые вы принимали, уже сказались на вашем ребенке. Он вырастет точно таким же, как вы, с точно такими же проблемами, с точно такими же страданиями. История повторится. Вы действительно хотите нести ответственность за это? В отличие от вас я ясно вижу ситуацию и знаю: именно так все и произойдет. У вашего ребенка нет ни единого шанса на счастье в этом мире. И в глубине души вы тоже это понимаете, верно?

— Вы правы, — всхлипнула она, уже не пытаясь бороться со слезами.

Я побыла злым копом, теперь снова нужно стать добрым.

— Знаете, я день и ночь думаю обо всех вас, — продолжила я. — Знаю, какой долгий путь вы проделали с тех пор, как нашли меня много недель назад. Горжусь вашей отвагой и силой. Вы ведь это знаете?

— Да, — ответила она, но в голосе не было той убежденности, на которую я надеялась. Пора переключать передачу.

— Я думаю и о вашей семье. Им повезло, что в их жизни есть такой человек, как вы, — такой отзывчивый и такой отважный. Это редкие качества, и я знаю, что сначала подобные вещи трудно понять, но со временем родные начинают осознавать, что вы любили их так сильно, что поставили их нужды превыше собственных. Вы много раз говорили мне, что никогда не станете той женой, что нужна вашему мужу. Но это не ваша вина, а его — в том, что он поставил вас на пьедестал. Это *он* сделал с вами. Просто продолжайте напоминать себе, ради чего вы вообще искали меня. Вместе мы исследовали каждую тропинку, прежде чем вы решили, что это единственный разумный путь. Вы двигаетесь вперед и позволяете всем, кого вы любите, делать то же самое. И я очень уважаю вас за это.

Я так долго повторяла эти слова, неделю за неделей, разговор за разговором, медленно укрепляя веру в то, что это единственный путь вперед. Однако на *него* потребовалось меньше труда. С ним не было никакой возможности компромисса. Белое либо черное — и никакого серого. Однажды он сказал мне, что я подобна веревке, вытащившей его из зыбучих песков и поставившей на правильную тропу.

— Вы правы, — всхлипнула она. — Спасибо.

— Ну, хорошо. Что ж, высморкайтесь, сделайте глубокий вдох — и продолжим вместе. Для начала откройте дверь и идите к нему. — Я пыталась вообразить, будто нахожусь там вместе с ними. — Теперь подробно опишите то, что видите перед собой.

— Кажется, это он, ждет меня, — начала она. — Улыбается. А позади него солнце пытается пробиться сквозь тучи. Довольно холодно, но мороза нет.

Я слышала хруст гравия у нее под ногами, стук капель по плечам плаща, крики чаек в небе. Почти чувствовала запах соленого морского воздуха вокруг них. Переключила телефон на его номер.

— Еще раз здравствуйте, — произнесла я. — Она направляется к вам, но тревожится немного сильнее, чем вы. Вы ведь присмотрите за ней, да?

— Конечно, — ответил он таким уверенным тоном, какого я от него никогда не слышала.

Когда они впервые встретились лицом к лицу, я вообразила, как они улыбаются друг другу. Включила сразу оба звонка и услышала приглушенное шуршание ткани о ткань — как будто они обнимались. Я велела ей надеть достаточно просторный плащ, чтобы скрыть беременность. Менее всего мне нужно спугнуть его сейчас, когда мы были так близко к завершению.

Я ощутила, как горит кожа — адреналин растекался по всем шестидесяти тысячам миль кровеносных сосудов, даруя некое подобие эйфории.

«Жди своего часа. Крепко держи себя в руках, потому что слишком многое может пойти не так».

Я вообразила, как они стоят там — абсолютно чужие друг другу люди, которым не нужно говорить, чтобы пообщаться. Они объединены общей целью, и это я свела их вместе. Их жизни будут навечно связаны одна с другой благодаря мне. Я не знала, смеяться мне или плакать.

— Вы оба слышите меня? — спросила я их.

— Да, — в один голос ответили они.

— Если вас по-прежнему все устраивает, я хотела бы остаться с вами так долго, как это возможно. Так что когда будете готовы, сделайте глубокий вдох, потом возьмитесь за руки и начинайте идти. Неважно, как трудно это будет, какими тяжелыми покажутся вам ваши ноги, держитесь друг за друга в поисках поддержки. Не обращайтесь и не останавливайтесь. Мы можем сделать это вместе.

— Спасибо, — произнес он. — Спасибо за то, что поняли меня. Вы невероятный человек.

— Рада была помочь, — ответила я. В прошлом, достигая кульминации, я бывала намного сильнее. Но он стал слишком важной частью моей жизни, чтобы не чувствовать боль. Зная, что наш путь подходит к концу, я сжала кулаки. Теперь продолжать историю предстояло им.

Я крепко зажмурилась. Вдыхала и выдыхала воздух в такт их дыханию по мере того, как они уходили все дальше от автомобильной парковки. Гравий сменился травой, дождь усилился. Она начала всхлипывать, но я была уверена, что это слезы счастья. Я знала, что он чуть крепче сжал ее руку, делаясь с ней той силой, которую я так ценила в нем.

А потом... ничего.

Ничего, кроме последних звуков их дыхания и морского ветра, завывающего в телефонах, когда они падали с высоты в пятьсот тридцать футов в воду вниз. И когда их тела погрузились в море, а души взмыли в небо, я с силой прикусила нижнюю губу, ощутив привкус крови. Все кончено.

Я выждала некоторое время, прежде чем неохотно повесить трубку. Достав из ящичка стола бумажные платочки, высморкалась, распрямила поджатые пальцы ног и стала думать о своем якорю, пока спокойствие вновь не воцарилось во всем моем теле.

Резко подняв голову, я окинула взглядом помещение, дабы убедиться, что никто за пределами моей выгородки не слышал меня.

— Ты в порядке? — раздался сбоку от меня слащавый голос Мэри, заставив меня вздрогнуть. Она прошаркала из кухни к моему столу, почувствовав, что что-то не так. Ее лицо явственно выдавало ее возраст. — Это был один из *тех* звонков?

— Да.

— Они ведь не сделали этого, пока ты говорила с ними, верно?

Я кивнула, и она похлопала меня по плечу. По коже побежали мурашки, как бывало всякий раз, когда кто-то без разрешения касался меня. Подобные жесты меня никогда не успокаивали.

— Мне очень жаль, — продолжила Мэри. — Когда они звонят, надеешься, что нужен лишь дружеский голос, готовый их выслушать, и тогда они на какое-то время передумают обрывать свою жизнь, да?

— Да, — солгала я.

— И я знаю, что мы не должны отговаривать их или даже предлагать варианты, но это тяжело, когда ты просто хочешь, чтобы люди поняли: их жизнь стóит того, чтобы жить.

— Тяжело, — согласилась я. — Я хотела бы, чтобы каждый мог увидеть красоту этого мира нашими глазами.

Это был напряженный день, и на линии не хватало волонтеров, поэтому Мэри направилась обратно в свой угол. Когда на моем телефоне замигал красный огонек, обозначая, что нам снова кто-то звонит, я откашлялась и ответила — согласно правилам, спустя пять гудков.

— Добрый день, — начала я. — Вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора. Могу я узнать ваше имя?

Часть I

ЛОРА

Глава 1

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ПОСЛЕ ДЭВИДА

Поднимаясь по лестнице к двери, я слышала их приглушенные голоса.

В рабочем помещении «Больше некуда» сейчас находились пять человек — все сидели в отдельных выгородках. Некоторые, облокотившись на столы, слушали звонящих через гарнитуры; другие небрежно откинулись на спинки кресел, держа трубку возле уха. Один лениво решал кроссворд в сегодняшней газете.

Я пришла раньше начала своей смены и радостно помахала рукой Кевину и Зои, которые вели беседу — каждый со своим клиентом. Указав на жестяную коробку с кексами, которую несла под мышкой, направилась в сторону кухни. Мэри, старшая из волонтеров нашего проекта, сидела в угловой выгородке первого ряда, ее спицы двигались быстро и почти бесшумно, в то время как она сама говорила что-то в гарнитуру. Сегодня шерсть, из которой она вязала, была такой же серой, как ее полуседые волосы.

Я добралась до жалкой пародии на офисную кухню и положила в холодильник контейнер с остатками вчерашней макаронной запеканки. Выкинув устрашающее количество бутылок из-под просроченного молока, сняла крышку с коробки, чтобы каждый мог попробовать мои

свежеиспеченные кексы с глазурью. Кексов было достаточно для каждого из дневной смены, а остатки могли поделить между собой вечерняя и ночная.

Я открыла створку окна, чтобы впустить свежий майский воздух и прогнать застоявшуюся духоту, царившую в помещениях второго этажа. Затем, вернувшись в рабочее пространство, достала из сумки блокнот и заняла свою любимую выгородку в дальнем ряду. Рабочие места не были официально закреплены за нами, поэтому мы не могли претендовать на тот или иной стол. Но существовала негласная иерархия, согласно которой тому, кто работал здесь долгое время, было позволено занимать ту выгородку, где он чувствовал себя наиболее комфортно. Я выбрала самое уединенное место возле заколоченного досками викторианского камина. Здесь, за перегородкой, мой негромкий успокаивающий голос, которым я говорила по телефону, не мог услышать никто из находившихся в комнате. Мы никогда не признавались, что подслушиваем телефонные разговоры друг друга, но это нормально — иногда проявлять любопытство.

Вот уже четыре с половиной года я смотрела из этого окна на центральную часть Нортхэмптона и гадала, чей звонок сегодня приму первым. Обычно самые интересные вещи происходили во время более поздней — вечерней — смены. Когда сгущается тьма снаружи, то же самое происходит в душах наиболее уязвимых людей. Ночь — их враг, потому что чем меньше они видят то, на что можно отвлечься, тем больше возможностей у них думать, какой безнадежной сделалась их жизнь. Именно тогда они ищут руку помощи.

Нам предлагалось отвечать каждому клиенту одинаково: с добротой, уважением и профессионализмом. То, что они услышаны, заставляло их чувствовать себя более нужными на этом свете, однако ожидать, будто ты можешь помочь всем, не приходилось. Как и того, что все придутся